

НАРРАТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ИХ ТРАКТОВКА
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕА. Н. Сулимин^{ID}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, адрес: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Поступила
в редакцию
21.11.2024

Поступила
после
рецензирования
16.01.2025

Принята
к публикации
17.02.2025

Аннотация. Цель - рассмотреть особенности и интерпретации исторической памяти в реализуемой политике странами постсоветского пространства.

Предмет исследования – типы, реализуемых политик по сохранению исторической памяти в Российской Федерации и четырнадцати бывших республиках СССР.

Методы исследования. На основе анализа смыслов в реализуемых политиках памяти и мотивации государственных и негосударственных институтов в пересборке общей истории прошлого бывших республик СССР представляется осмысление трансформации нарративов. Выделены несколько типов реализуемой государственной политики по сохранению исторической памяти в странах постсоветского пространства.

Результаты исследования. Анализ процессов трансформации исторической политики в странах бывшего СССР показал, что в реализуемых политиках постсоветских государств проводились мероприятия в разных направлениях, определяющих новые символы, смыслы и нарративы. Описываются процессы трансформации политики памяти в ряде постсоветских республик, нивелирующих памятники советского периода, мешающих навязыванию новых политических смыслов, символов и мифов. Отмечается, что в странах бывшего СССР забвению подвергались символы советской эпохи, утративших политический смысл.

Среди причин, продуцирующих изменение представлений о динамике соотношения исторического познания автор указывает: отступление от принципов историзма, распространение цифровой ноуменальной и феноменальной культур, формирование национальных версий исторического прошлого, преимущественно на базе политической мифологии. Отмечается, что Российская Федерация в целом придерживалась принципа исторической объективности, выверенных и верифицированных нарративов прошлого, используя их для формирования гражданской идентичности и государственной политики памяти.

Ключевые слова: постсоветское пространство, историческая память, политика памяти, историческая политика, конкуренция нарративов, «войны памяти», «рамки памяти», «места памяти», акты коммеморации.

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Сулимин А.Н. Нарративы исторической памяти и их трактовка на постсоветском пространстве // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – №2. – С. 24-37. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-2-24-37. EDN MAJQXT.

© Сулимин А.Н., 2025

NARRATIVES OF HISTORICAL MEMORY AND
THEIR INTERPRETATION IN THE POST-SOVIET SPACEAlexander N. Sulimin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin,
address: 164, Moskovskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation

Received
21.11.2024

Revised
16.01.2025

Accepted
17.02.2025

Abstract. The purpose is to consider the peculiarities of the transformation of historical memory as a contradictory and diverse phenomenon in the interpretation of the events of the past in the foreign policy dimension. The subject of the study is the types of policies implemented to preserve historical memory in the Russian Federation and the fourteen former republics of the USSR.

Research methods. Based on the analysis of the meanings in the implemented memory policies and the motivation of state and non-state institutions in the reassembly of the common history of the past of the former Soviet republics, an understanding of the transformation of narratives is presented. There are several types of implemented state policy for the preservation of historical memory in the countries of the post-Soviet space.

The results of the study. An analysis of the processes of transformation of historical politics in the countries of the former USSR has shown that the implemented policies of the post-Soviet states carried out activities in different directions, defining new symbols, meanings and narratives. The article describes the trend of transformation of memory policy in a number of post-Soviet republics, leveling the monuments of the Soviet period, preventing the introduction of new political meanings and symbols. It is noted that in the countries of the former USSR, symbols of the Soviet era, which had lost their political meaning, were forgotten.

Among the reasons that produce a change in the ideas about dynamics of the correlation of historical knowledge, the author points out: a departure from the principles of historicism, the spread of digital noumenal and phenomenal cultures, the formation of national versions of the historical past, based mainly on political mythology. It is noted that the Russian Federation generally adhered to the principle of historical objectivity, accurate and verified narratives of the past, using them to form a civic identity and state policy of memory.

Keywords: post-Soviet space, historical memory, memory policy, historical politics, narrative competition, "memory wars", "memory frames", "memory places", acts of commemoration.

Funding: This study was performed without external funding.

For citations: Sulimin, N.V. (2025) Narratives of historical memory and their interpretation in the post-soviet space Central Russian Journal of Social Sciences, Vol.20, no. 2, P. 24-37. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-2-24-37. EDN MAJQXT

© Sulimin N.V., 2025

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в социальных науках можно наблюдать повышенный исследовательский интерес к проблемам формирования и сохранения исторической памяти. Объективация феномена исторической памяти связана с кризисом процесса глобализации, вызвавшего эрозию традиционных государственных и социальных институтов, не только выступающих основой прежнего мироустройства, но и выполняющих функцию защиты национальной исторической памяти.

Активизация исторического прошлого в современной политике, а также запрос на национальную идентичность и национальное прошлое зачастую определяются новыми формами противостояния в глобальной информационной среде. Объектом их всё больше становится когнитивная сфера, в том числе и сфера коллективной социальной памяти. В некоторых странах постсоветского пространства присутствует нивелирование роли советского народа в достижении победы Великой Отечественной войне. При этом историческое прошлое всё больше подвергается коррекции или пересборке в интересах национальных политических элит – зачастую этнократий, пытающихся переписать неуютное прошлое.

Историческая память в странах бывшего СССР играет важную роль в формировании этнической и гражданской идентичности новых политий и коллективного общественного сознания. Историческая память заключена в символах, памятниках, топонимах, других реликтах прошлого. Она включает в себя восприятие исторических событий и зачастую конструируется национальными элитами через институты образования и медиакommunikаций. Актуальность данной темы определяется необходимостью изучения трансформации исторической памяти на постсоветском пространстве через призму конкуренции исторических нарративов и «войн памяти». Поэтому возникает необходимость рассмотреть, как некогда единое историческое прошлое интерпретируется в современном мнемоническом пространстве.

Цель - рассмотреть особенности и интерпретации исторической памяти в реализуемой политике странами постсоветского пространства.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Интерес к осмыслению феномена исторической памяти носит не только практический характер, но и теоретический, так как до сих пор существует множество подходов и концепций, рассматривающих мнемоническую сферу общества как поле радикально отличающихся друг от друга интерпретаций общей истории. Подобный исследовательский интерес вызван сложностью процессов изучения исторической памяти, поэтому она становится объектом изучения ряда социальных наук, в том числе политологии. Политическая наука, призванная исследовать ценностно-символическую сферу национальных политий, обращается к междисциплинарному подходу для изучения коллективной памяти наций как исторического и социального феномена, чтобы объяснить процессы несовпадений в оценках прошлого, стать основой для межгосударственного диалога по данному вопросу, предстать как инструмент стабилизации современных общественных процессов.

Теоретические предпосылки исследования

Отметим, что в 2003 году научному сообществу представлено исследование проблем этничности и этнических конфликтов в республиках Закавказья. Указывалось, что политизированные версии прошлого становятся предметом современных националистических идеологий и, как следствие, могут провоцировать геополитические конфликты (Шнирельман, 2003). Изучение войн

памяти как и их моделей в процессе противостояния коллективной памяти в целях поддержки и подкрепления современных политических идей рассматривались рядом исследователей (Бордюгов, 2011). Помимо этого, интерес к теме «войн памяти» присутствовал и у зарубежных исследователей. Так, Сюзанна Попп (2012) в своей статье рассмотрела опыт предшественников по проблемам мнемонических конфликтов¹. Отметим, что наибольшую популярность данная тема получила с конца 1990-х и в начале 2000-х годов, что было обусловлено рядом причин, связанных с рассекречиванием архивных данных, а также активизацией националистических движений в создании конфронтационные образов с помощью истории.

Французский теоретик исторической памяти Морис Хальбвакс отмечает, что в индивидуальном и коллективном сознании формируется запоминание и сохранение исторических фактов благодаря наличию «рамки памяти» и «ориентиров памяти», которые формируются обществом. Французский ученый противопоставляет коллективную память исторической, так как последняя является искусственным конструктом. И эта коллективная память, по оценке М. Хальбвакса, четко увязана со всей системой ценностей в праве, политике, а также в морали (Хальбвакс, 2007, С. 265). Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека, подчеркивает данный исследователь, возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя многих свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание.

Коллективная память – это память не искусственная, а живая, «поскольку из прошлого такая память сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает». Также Хальбвакс утверждал, что «каждая группа имеет свою историю и, рассматривая своё прошлое, она начинает осознавать свою самотождественность (идентичность) во временном измерении». Эта группа живущая в основном, для самой себя, стремится увековечить те чувства и образы, которые составляют материю её мысли. Историческая память как определенный социальный конструкт может подвергаться реконструкции, часто с ошибками, в таком случае могут быть отброшены травматические элементы прошлого в интересах текущей политической конъюнктуры.

М. Хальбвакс замечает, что коллективная память опирается на реальные, живые воспоминания людей, переживших недавнее прошлое, формируя его неофициальный образ в сознании социальной группы («рамки памяти»). Этот образ из воспоминаний может противоречить официальным историческим нарративам, иметь свои трактовки на основе пережитых воспоминаний. Историческая же память выступает гораздо более жестким конструктом, который опирается на текущие социальные и политические установки. То есть мы нагружаем социум его прошлой историей (Хальбвакс, 2007, С. 266).

Социологическую концепцию М. Хальбвакса развил и приумножил другой французский социолог – П. Нора. Его идея дихотомии памяти и истории определяет фундаментальное различие между коллективной памятью и историей. Коллективная память характеризуется динамичностью, эмоциональным наполнением и субъективизмом; она транслируется посредством традиций, обрядов и устных нарративов. История, напротив, ориентирована на объективность и аналитический подход, основываясь на документальных источниках и фактах. В усло-

¹ Мнемонический конфликт - это различные интерпретации прошлого, образующих противостояние различных моделей коллективной памяти (прим. редакции)

виях современного общества, где традиционные механизмы передачи памяти подвергаются эрозии, возникает потребность в создании искусственно сконструированных «мест памяти» (*lieux de memoire*), которые способствуют сохранению связи с прошлым. Прошлое как сочетание, по П. Нора, истории, памяти и нации¹ ретранслируется в политику памяти, реализуемую во внутренней и внешней политике (Нора, 1999, С. 23). В частности, исторический аспект национальных интересов государств реализуется во внешней политике, смысловой интерес – во внутренней политике.

Под «местами памяти» в социологической концепции П. Нора понимаются любые материальные объекты, символы или пространства, несущие в себе коллективные воспоминания о прошлом. К ним могут относиться памятники, музеи, архивы, книги, праздники, ритуалы, а также географические локации. Эти элементы приобретают особую значимость для социума, поскольку они содействуют формированию культурной идентичности и осознанию культурного наследия.

По мнению П. Нора, «места памяти» могут быть выражены в трех формах – материальной, символической и функциональной (Нора, 1999, С. 40). Главная мысль концепции П. Нора заключается в понимании того, что память общества не является спонтанным явлением, представляя собой продукт осмысленного институционального воздействия на материализацию его событий, которые оформляются в памятниках исторического и культурного наследия. Подобные символические ритуалы поддерживаются государством и служат важным объектом государственной политики. Данная концепция акцентирует внимание на важности исследования процессов формирования и сохранения коллективной памяти в обществе. Этот подход позволяет глубже понять, каким образом различные социальные группы конструируют своё восприятие прошлого и используют его для утверждения собственной идентичности.

Важным методологическим направлением в изучении исторической памяти выступает мемориальная культура, которая обращает внимание на функционирование механизмов памяти и технологий коллективного забвения в политическом пространстве общества. Серьезный научный интерес к этим проблемам возник после Второй мировой войны, когда была актуализирована необходимость конструирования памяти победителей и памяти побежденных. Основоположниками этого подхода выступают исследователи, изучавшие память о Холокосте, Р. Козеллек, П. Риккер, М. Оже, П. Коннертон, А. Ассман (Koselleck, 1988; Augé, 1997; Connerton, 2008; Рикёр, 2004; Ассман, 2005). В рамках данной концепции большое внимание уделяется забвению как важному механизму конструирования политической памяти общества. Забвение может выступать как способ блокирования памяти, а может быть одним из этапов памятования.

В современный период историческая память рассматривается в рамках символической политики и конструктивистского дискурса. Исторические образы всё чаще выступают содержанием коммеморативных практик в системе образования, информационном пространстве. Носителями таких нарративов в процессе коммеморации выступает социально-политическая мифология, отбирающая наиболее востребованные образцы прошлого с учетом политической реальности.

В советский период историческая память отражала классовый подход к историческому процессу, рассматривая дореволюционное прошлое с точки зрения

¹ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н. Колосов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17–50. С. 23.

борьбы капиталистов и наемных рабочих (пролетариата). Через призму классового подхода Российская империя рассматривалась как «тюрьма народов», испытывающая гнет со стороны колониальной политики царской власти. Революционные события 1917 года открывали новую эру в истории человечества, в которой было создано первое в мире пролетарское государство, победившее эксплуатацию человека человеком. Подобный нарратив продвигался как во внешнеполитической сфере, так и внутри государства, став одной из идеологических линий в системе образования и воспитания единого Советского государства.

После распада СССР институционализировались новые независимые государства и для обоснования своей независимости стали создавать свои «рамки исторической памяти». По мнению

А. А. Рязанцева, для современных постсоветских режимов необходима была легитимация, базирующаяся на укорененности в исторической традиции, а в случае отсутствия исторических корней новые государства формировали коллективную историческую память на основе политической мифологии (Рязанцев, 2024, С. 33). Ввиду того что постсоветские государства получили этнократический статус в рамках советского национального строительства, большинство из них не имело опыта своей государственности до 1917 года, что создавало проблемы в интерпретации их глубоких исторических корней. Поэтому для создания глубины исторической памяти содержание мифологии подбиралось избирательно, использовалась как фальсификация фактов, так и компоненты альтернативной истории.

Говоря о сущности исторической политики в странах бывшего СССР, исследователи Д. Н. Нечаев, О. В. Леонова предлагают опираться на такие концепты, как «историческая память», «мемориальная культура», «места памяти», «политическая мифология», «постправда», «ресенсимент» (Нечаев, Леонова, 2021, С. 14). Все эти явления отражают определенную динамику исторической памяти, которая определяется как политической конъюнктурой, так попыткой создать точки опоры для формирования новой идентичности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пересмотр концепций исторической памяти на постсоветском пространстве был связан с ревизией советских исторической символогии и смыслов. Так, почти во всех странах бывшего СССР был отменен один из самых советских праздников 7 Ноября – День Великой Октябрьской социалистической революции (в России в 1995 году, на Украине в 2000 году, в Кыргызстане в 2007 году). Единственным государством постсоветского пространства, сохранившим советскую историческую традицию, стала Республика Беларусь, вернувшая данный праздник на государственный уровень после избрания президентом страны А. Г. Лукашенко.

Другой чертой исторической политики выступают новые траурные акции и памятные мероприятия, осуждающие отдельные элементы политики советского периода. Речь идет о дефиниции травматического прошлого. *В частности, на Украине в постсоветский период были учреждены две памятные даты, связанные с травматическим прошлым. Это День памяти жертв голодомора и День памяти жертв политических репрессий. По мнению автора, подобные памятные даты на Украине несут в себе как морально осуждающий характер по отношению к советскому политическому режиму, так и антисоветский и русофобский контекст, в котором подчеркивается жертвенность украинского народа в борьбе с советским режимом и правопреемницей СССР – современной Россией.*

Отметим, что страны Прибалтики также присоединились к Европейскому дню

памяти жертв сталинизма и нацизма, который отмечается ежегодно 23 августа. Он был установлен 2 апреля 2009 г. Европейским парламентом.

Изменения происходили и в наименованиях «мест памяти», когда привычные советские названия городов, улиц, площадей заменялись на традиционные исторические либо новые названия. Например, на Украине Ворошиловград был переименован в Луганск; в России Куйбышев – в Самару. Стоит отметить, что эти процессы в ряде республик СССР начали проходить еще в период позднего Советского Союза, когда шла фрагментация идеологического фундамента советской государственности.

В России к 80-летию победы в Сталинградской битве ставился вопрос о возвращении Волгограду прежнего названия – Сталинград. Чтобы почтить память героев, павших в битве за Сталинград, в юбилейный 2023 год городу на Волге в символической сфере временно, на несколько дней, вернули старое название Сталинград.

Другим объектом политики памяти являются памятники деятелям прошлого («фигуры памяти»). Необходимо обратить внимание на то, что в современный период в рассматриваемых странах начали появляться новые памятники, которые раньше были запрещены по идеологическим соображениям. Новые памятники были призваны либо опереться

на новый национальный вектор развития государственности, либо обеспечить борьбу с символами прошлой эпохи («конфликты памяти»). Так национальными героями в странах постсоветского пространства стали Степан Бандера, Роман Шухевич на Украине, Гарегин Нжде в Армении и т. д. На Украине памятники были установлены украинским националистами, в том числе коллаборационистам, воевавшим на стороне вермахта.

Э. Ренан отмечал, что в деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф (Э. Ренан, 1902, С. 87–89), поскольку траур помогает придать нации чувство общности. Поэтому, на наш взгляд, на рубеже XX–XXI веков в новых государствах постсоветского пространства были памятники радикальным националистам и коллаборационистам, которые во взаимодействии России с рядом государств постсоветского пространства стали основой для конкуренции исторических нарративов и «войн памяти». Автор, опираясь на вышеизложенное, в рамках своего исследования типологизирует политику памяти постсоветских государств, включая современную Россию, выделяя разнонаправленную политику памяти во взаимодействии друг с другом. Первый тип – это общность исторической политики (Россия – Белоруссия). Второй тип – это политика конкурирующих исторических нарративов. Например, Россия – Киргизия, Россия – Казахстан, Россия – Узбекистан, Россия – Азербайджан, Россия – Армения, Россия – Таджикистан, Россия – Туркменистан. Третий тип – это «войны памяти». Например, Россия – Украина, Россия – страны Прибалтики, Россия – Молдавия, Россия – Грузия. И если в первом и втором случае между государствами, профессиональными сообществами историков идет трудный диалог по интерпретации событий прошлого, проводятся совместные научные конференции и форумы, издаются учебники, то в третьем случае «войны памяти» носят антагонистический (непримиримый) характер.

Кстати, конкуренция исторических нарративов сформировалась не только между государствами, республиками бывшего СССР, но и внутри российского общества, например, по отношению к жертвам политических репрессий. Как и в ситуации с памяtnыми датами, концепт «политические репрессии» изначально

имел антисоветский характер, так как обращал внимание на репрессии, которые проводились в сталинский период СССР.

Еще со времен перестройки был запущен миф о том, что политическим репрессиям подверглись десятки миллионов человек, многие из которых прошли лагеря и были расстреляны. Так, в 1988 году в «Московских новостях» была опубликована статья Р. А. Медведева, посвященная статистике жертв сталинизма (Медведев, 1988)¹. По утверждению автора, за период 1927–1953 гг. было репрессировано около 40 млн человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода в 1933 г. и др. Далее эта цифра широко использовалась в пропаганде преступлений сталинизма с целью укоренения в массовом сознании нарратива о советском тоталитарном режиме.

Однако один из крупнейших современных историков, профессионально занимающийся вопросами исторической статистики, – В. Н. Земсков, опираясь на рассекреченные данные государственных архивов, подверг критике политическую мифологию, касающуюся масштабов репрессий. Согласно сводной статистике, имеющейся в Отделе регистрации и архивных фондов бывшего КГБ СССР (ныне – ФСБ РФ), за весь советский период (1918–1990 гг.) по обвинениям в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголовного законодательства аналогичного свойства были осуждены 3 853 900 человек, из них только 827 995 человек приговорены к смертной казни (Земсков, 2012). Стоит также отметить, что в период 2000-х годов мнение о масштабе жертв политических репрессий в СССР разделяет небольшая группа профессиональных историков и общественных деятелей в России, это позволяет утверждать, что существует конкуренция нарративов по данному вопросу между меньшинством общества и большинством, чья научная позиция опирается на верифицированные данные и выводы, опирающиеся на принцип историзма и на академические исследования.

Новая политика памяти в ряде постсоветских республик не только поддерживала запрос на новые памятники, но и разрушала те, которые мешали внедрению новых политических смыслов и символов. В странах бывшего СССР забвению подвергались символы советской эпохи, которые не только утратили политический смысл, но и стали объектами «войн памяти». Так, после Евромайдана на Украине в 2013–2014 гг. и прихода там к власти радикальных националистов начинается стихийный снос советских памятников, получивший название «ленинопад» (Гайдай, Любарец, 2016). В этом же году на Украине под запрет попадает Коммунистическая партия Украины, а в 2015 году украинским руководством во главе с П. Порошенко был принят закон о декоммунизации. Данный закон ввёл шестимесячный срок для сноса памятников коммунистам (за исключением памятников Второй мировой войны) и обязательного переименования населённых пунктов, названия которых связаны с коммунистическим прошлым. Однако постепенно под снос попадают памятники и участникам Великой Отечественной войны. Подобный процесс борьбы со своим прошлым можно наблюдать и в странах Прибалтики, которые, как и Украина, обрушились на реликты, символизирующие память о Советском Союзе.

С начала специальной военной операции (СВО) на Украине борьба со своей историей там стала носить крайний русофобский характер, когда местные власти стали сносить памятники Екатерине II, А. С. Пушкину, М. А. Булгакову, Н. В. Гоголю («пушкинопад»), пытаясь разорвать любую связь с исторической Россией.

При этом на самом Западе, поддерживающем русофобскую и неонацистскую

¹ Медведев Р.А. Наш иск Сталину // Московские новости. – 1988. – 27 ноября.

политику Киева, постепенно размывается память о преступной и экстремистской сущности нацистской идеологии, о чем свидетельствуют определенные факты. Так, 22 сентября 2023 года украинский ветеран, бывший военнослужащий дивизии СС «Галичина» Ярослав Гунько (Хунка) выступал в парламенте Канады во время визита президента Украины Владимира Зеленского под всеобщие аплодисменты присутствовавших. На реабилитацию нацизма на Украине западные политики давно стали закрывать глаза, формируя у себя в стране информационную блокаду о преступной сущности украинского неонацизма. Другой стороной исторической политики стран Запада выступает оправдание неонацизма в качестве инструмента борьбы с Россией на идеологическом фронте. Так, в ноябре 2024 года 54 западные страны голосовали в ООН против принятия российской резолюции о борьбе с героизацией нацизма¹.

Ключевым механизмом исторической социализации продолжает выступать система образования, являющаяся основой политической памяти нации. Необходимо отметить, что в 1990-е гг. отечественная система образования приобрела кризисное состояние, что было связано со слабостью государственных институтов. Учёные отмечают, что в это время произошла регионализация образования, в том числе и исторического, что привело к появлению параллельных учебников и программ, например татарских, башкирских, содержание которых часто отличалось от общероссийских аналогов (Гузь, 2019, С. 88). С введением нового закона об образовании предметы в средней школе, направленные на историческое просвещение молодых граждан, теряют свою воспитательную функцию. Меняется программа по литературе, из которой исчезает ряд произведений, которые были обязательны в советской школе. По мнению Е. В. Гузь, возникающая в результате диспропорция в освещении исторического прошлого имела уже не просто дидактический, а практически-политический аспект, поскольку могла способствовать распространению в ряде этнорегиональных автономий (ЭРА) РФ националистических настроений (Гузь, 2019, С. 88).

Подобная ситуация была характерна для всех стран постсоветского пространства – произошёл переход на национальную концепцию исторического образования с новой исторической учебной литературой, подчеркивающей отказ от прежних идеологических догм. Однако отказ от классовой теории в учебниках истории большинства стран бывшего СССР не смог предотвратить переход к политической мифологии в трактовках исторических событий.

Уже давно ни для кого не секрет, что учебная и пропагандистская историческая литература на Украине имела русофобский характер, открыто рассматривая Россию государством-агрессором. Однако в последнее время историки и общественные деятели стали обращать внимание на то, что в учебниках истории многих постсоветских республик Россия позиционируется как колониальная держава. В 2024 году Российской Академией наук был выпущен сборник россиецентричных рефератов учебников истории для средних и высших учебных заведений стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая. Анализируя учебники Постсоветского Востока, авторы данного сборника обратили внимание на то, что там присутствует негативный образ России. Так, в учебниках Казахстана «подчеркивается российская колониальная политика, выделяются голод и голодомор казахов, есть критика ограничений свобод и мирных национальных протестов» (Россия, 2024, С. 6).

¹ Больше 50 стран выступили в ООН против резолюции РФ о борьбе с нацизмом. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/11/11/bolshe-50-stran-vystupili-v-oon-protiv-rezolyucii-rf-o-borbe-s-nacizmom.html> (дата обращения: 21.12.2024).

Отмечается, что в советский период, несмотря на развитие социально-экономических отношений, население Таджикской ССР «насиленно приобщено к мировым процессам под руководством большевиков». Подчёркивается, что большевики «провели духовный геноцид, исковеркали менталитет и искусственно разделили» народы (Россия, 2024, С. 6).

В ряде исследований Прибалтийских стран, входящих в состав Евросоюза, также можно найти гипертрофированное искажение исторической правды о Великой Отечественной войне. В частности, «в учебнике по истории Эстонии за девятый класс Великая Отечественная война позиционируется как война эстонцев на стороне фашистской Германии против оккупационного советского режима. При этом ничего не говорится о подвигах эстонского народа против нацистов и их последователей» (Сулимин, 2022, С. 224). Подобные попытки героизации нацистских карателей можно встретить и в украинской образовательной литературе. Один из параграфов современного украинского учебника истории посвящён А. Гитлеру, где лидер нацистов был назван «немецким государственным и политическим деятелем»:

«В истории Украины Гитлер сыграл одну из решающих ролей, сделав попытку освобождения наших земель от советских оккупантов. Силами немецкой армии была освобождена Западная Украина. Львовщина была деоккупирована в 1941 году»¹.

Такая интерпретация уроков истории вызывает недоумение и удивление исследователей, работавших с архивами и фиксировавших воспоминания современников. И, согласимся с Артизовым А.Н. (Артизов, 2022), что «киевский режим категорически не устраивает правдивое объективное освещение исторических событий».

ОБСУЖДЕНИЕ

Проанализированная политика памяти соответствует подходу Д. Н. Нечаева и О. В. Леоновой, выделяющих страны, активно использующих политическую мифологию (Украина, Грузия, республики Прибалтики, Молдова, Армения, Киргизия, Узбекистан), и государства, для которых характерен гибридный подход к интерпретации общего прошлого (Белоруссия, Азербайджан, Казахстан). Однако необходимо отметить, что политическая мифология присутствует во всех государствах бывшего СССР, так как с ее помощью создаются необходимые нарративы, закрепляющие политическую память этих стран в сознании народов и наций.

Концепция единого и непротиворечивого прошлого, которая сейчас формируется в системе исторического просвещения России, является результатом осмысления тысячелетней истории российской государственности. В этом плане принцип историзма преобладает над политической мифологией, которая используется в большей степени для интериоризации образцов прошлого в общественном сознании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, реализуемые политики памяти на постсоветском пространстве, как правило, являются политиками с конкурентными нарративами либо реализуются в рамках «войн памяти». Кроме того, политика памяти использует политические и символические технологии в двух основных мнемонических режимах – в памятовании и забвении. В этом отношении обращение к трагическим событиям как периода Российской империи, так и периода Советского Союза вы-

¹ Кто оккупировал? В украинском учебнике Гитлер назван освободителем Львова. – URL: <https://aif.ru/politics/world/kto-okkupiroval-v-ukrainskom-uchebnike-gitler-nazvan-osvoboditelem-lvova> (дата обращения: 21.02.2025).

ступало средством памятования истории титульных народов в период их независимости. Эти травматические события (колониализм, войны, репрессии и т. д.) создавали «живую историю» для формирования новой идентичности с ее нарративами и «рамками памяти».

Следовательно, изучение особенностей нивелирования негативной памяти как механизма забвения советского прошлого требует постоянного мониторинга. Однако подобное забвение имело конструктивный характер и разные формы. Например, это могла быть как попытка сокрытия участия в коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны, так и умолчание об этих фактах. В рамках другого механизма забвения – переписывания – переименовывались «места памяти», что служило попыткой создать новое символическое пространство, а также создавались новые учебники истории с использованием политической мифологии.

Распад СССР не только вызвал политическую и экономическую дезинтеграцию его бывших республик, но и привел к расщеплению образцов прошлого, а также к созданию новых «мест памяти», которые были направлены не только на формирование национальной идентичности суверенных государств, но и на формирование политик памяти, базирующихся на политической мифологии, создающих основу для межгосударственных конфликтов. Главным содержанием этих нарративов в политиках памяти выступало обращение к коллективной травме, источником которой было советское прошлое.

Список литературы:

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
2. Артизов, А. Н. К вопросу об исторических корнях современного украинского кризиса / А. Н. Артизов // Вестник МГИМО Университета. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 7-25. – DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-7-25. – EDN KOVZLJ.
3. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. — М. АИРО-XXI, 2011.-256 с.
4. Сыров, В. Н. Новый виток в трактовке соотношения памяти и истории и его перспективы / В. Н. Сыров // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 73. – С. 19-35. – DOI 10.17223/1998863X/73/2. – EDN WUPDPD.
5. Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. История. – 2016. – № 2(33). – С. 28–41. – DOI 10.17072/2219-3111-2016-2-28-41. – EDN: WFLSNZ.
6. Гузь Е.В. Особенности трансформации общего исторического образования в 1990-е годы политологический аспект // Обозреватель Observer. – 2019. – № 4. – С. 88. – EDN: СТНХХІ.
7. Земсков В.Н. Масштабы политических репрессий в СССР (против спекулятивных и мифологических построений) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 79. – EDN: RUAOVR.
8. Нечаев Д.Н., Леонова О.В. Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Том 21. – № 1. – С. 14. – DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-12-21. – EDN: ZPNHDV.

9. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50. С. 23.
10. Ренан. Э. Что такое нация? // Собрание сочинений в 12 томах. Пер. с фр. под редакцией В. Н. Михайловского. Т. 6. – Киев, 1902. – С. 87–101.
11. Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
12. Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник / отв. ред. В.А. Аватков. – М.: ИНИОН РАН, 2024. – 155 с.
13. Рязанцев А.А. Особенность процесса формирования и реализации символической политики на постсоветском пространстве: кейсы режимов памяти // Вестник Поволжского института управления. – 2024. – № 5. – С. 31–38. – DOI 10.22394/1682-2358-2024-5-31-38.
14. Сулимин А.Н. События Великой Отечественной войны как арена современных «войн памяти» // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия: материалы международной научно-практической конференции, Саратов, 10–11 ноября 2021 г. / отв. ред. Наумов С. Ю. – СПб: Скифия-принт, 2022. – С. 220–227. – EDN: RUERZP.
15. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии: 95 миллионов жертв / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне: Пер. с фр. / М.: Три века истории, 2001. – 766 с.
16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти // М. Хальбвакс; Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с. – С. 265, 266.
17. Augé M. (1997) Pour une anthropologie des mondes contemporains. P.: Flammarion. 197 p. (In French).
18. Connerton P. (2008). Seven Types of Forgetting // Memory Studies. P. 59–71. (In Eng.).
19. Koselleck R. (1988). Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge,. 214 p. (In Eng.).
20. Давиденко, А. А. Понятие "войны памяти" в современных исследованиях коллективной памяти / А. А. Давиденко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 3. – С. 85–95. – DOI 10.5922/sikbfu-2022-3-7. – EDN HWCCKU.
21. Шнирельман, В. А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. – Москва : Академкнига, 2003. – 591 с. – ISBN 5-94628-118-6. – EDN QOSRDB.
22. Игнатова, Т. В. Особенности исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне детей-войны методом фокусированного интервью / Т. В. Игнатова, А. А. Алексеенок // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 6(36). – С. 43–48. – EDN TFCDSR.
23. Popp S. Memory Wars // Encyclopedia of Global Studies / ed. by H. K. Anheier, M. Juergensmeyer. — L.A., 2012. — Vol. 3. — P. 1147—1148.

References:

1. Assman A. (2019) *Oblivion of History – Obsession with History*. M.: New Literary Review, 552 p. (In Russ)

2. Artizov, A. N. (2022) On the historical roots of the modern Ukrainian crisis. *Journal of MGIMO University*. Vol. 15, no. 6, P. 7-25. – DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-7-25. – EDN KOVZLJ.
2. Bordyugov G. A. (2011) *"Memory Wars" in the Post-Soviet Space*. М., АИРО-XXI, 256 с.
3. Syrov, V. N. (2023) A New Turn in the Interpretation of the Relationship between Memory and History and Its Prospects. *Tomsk State University Journal Of Philosophy Sociology And Political Science*. no. 73, P. 19-35. (In Russ) DOI 10.17223/1998863X/73/2. – EDN WUPDPD.
4. Gaidai, A.Yu. and Lyubarets, A.V. (2016) "Leninfall": Getting Rid of the Past as a Way of Constructing the Future (Based on Materials from Dnepropetrovsk, Zaporozhye, and Kharkov). *Perm University Herald. History*. no.2 (33), P. 28-41. (In Russ)-DOI 10.17072/2219-3111-2016-2-28-41. - EDN: WFLSNZ.
5. Guz, E.V. (2019) Features of the Transformation of General Historical Education in the 1990s: Political Science Aspect. *Observer*. no. 4, P. 88. (In Russ)- EDN: CTHKXI.
6. Zemskov, V.N. (2012) The Scale of Political Repressions in the USSR (against Speculative and Mythological Constructions). *Journal of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 14. no. 3, P. 79. (In Russ)– EDN: RUAOVR.
7. Nechaev, D.N., Leonova, O.V. (2021) Memorial culture and political mythology: the politics of memory in the sphere of public administration in Russia and the post-Soviet states. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. Vol. 21. no. 1, P. 14. (In Russ)- DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-12-21. – EDN: ZPNHDV.
8. Nora, P., Ozouf, M., Puymège, de J. and M. Vinok (1999) *Between memory and history. Problems of Places of Memory*. France – Memory, trans. from French by D. Khapaeva. SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, Pp. 17–50, P. 23. (In Russ)
9. Renan, E. (1902) *What is a Nation?* Collected Works in 12 Volumes. Trans. from French edited by V. N. Mikhailovsky. Vol. 6, Kyiv, Pp. 87–101. (In Russ)
10. Ricoeur, P. (2004) *Memory, History, Oblivion*. М.: Publishing House of Humanitarian Literature, 728 p. (In Russ)
11. *Russia in History Textbooks of the Countries of the Middle and Post-Soviet East, China: Abstract Collection*. ed. V. A. Avakov. М.: INION RAS, 2024. 155 p. (In Russ)
12. Ryazantsev, A. A. (2024) Peculiarities of the Process of Formation and Implementation of Symbolic Policy in the Post-Soviet Space: Cases of Memory Regimes. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. no. 5, P. 31-38. (In Russ) - DOI 10.22394/1682-2358-2024-5-31-38.
13. Sulimin, A. N. (2022) Events of the Great Patriotic War as an Arena of Modern "Memory Wars". *Historical Memory of the Great Patriotic War: Problems of Evolution, Formation and Perception: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Saratov, November 10-11, 2021*, ed. Naumov S. Yu. SPb: Skifiya-print, P. 220-227. (In Russ)- EDN: RUERZP.
14. *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression: 95 Million Victims*. S. Courtois, N. Werth, J.-L. Panné: Transl. from French. М.: Three Centuries of History, 2001. 766 p. (In Russ)
15. Halbwachs M. (2007) *Social Framework of Memory*. Transl. from French and introduction by S.N. Zenkin. М.: New Publishing House, 348 p., P. 265, 266. (In Russ)
16. Augé M. (1997) *Pour une anthropologie of the worlds of contemporains*. R.: Flammarion. 197 p. (In French).
17. Connerton P. (2008). Seven Types of Forgetting. *Memory Studies*. P. 59–71. (In Eng.).

18. Koselleck R. (1988). *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, 214 p. (In Eng.).
19. Davidenko, A. A. (2022) *The Concept of "Memory Wars" in Contemporary Research on Collective Memory*. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Science*. no. 3, P. 85-95. – DOI 10.5922/sikbfu-2022-3-7. – EDN HWCKCU.
20. Shnirelman, V. A. (2003) *Memory Wars. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Moscow: Akademkniga, 591 p. - ISBN 5-94628-118-6. - EDN QOSRDB.
21. Ignatova, T. V. and Alekseenok, A. A. (2014) Features of the Study of Historical Memory of the Great Patriotic War of Children-War Using the Method of Focused Interviews. *Central Russian Journal of Social Sciences*. no. 6 (36), P. 43-48. (In Russ)- EDN TFCDSR.
22. Popp S. (2012) Memory Wars. *Encyclopedia of Global Studies*. ed. by H. K. Anheier, M. Juergensmeyer. L.A., Vol. 3. P. 1147—1148.

Сведения об авторе:

Сулимин Александр Николаевич, кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, e-mail: Kratos84@yandex.ru, eLibrary SPIN: 1565-8460, <https://orcid.org/0000-0003-1296-5996>.

About the author:

Sulimin, Alexander Nikolaevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, e-mail: Kratos84@yandex.ru, eLibrary SPIN: 1565-8460, <https://orcid.org/0000-0003-1296-5996>.

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

© Сулимин А.Н., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>